

ЯКУБ СУЛТЫГОВ

УТЕШИТЕЛЬ

Якуб Султыгов

Утешитель

«Издательские решения»

Султыгов Я. С.

Утешитель / Я. С. Султыгов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933657-6

Жизнь наша на первый взгляд — цепочка связанных событий. С годами из памяти уходят люди, действия, потери и победы, которые казались в свое время судьбоносными. На смену им приходят новые лица, группы, мелкие или грандиозные дела. Мы приучены к тому, что у всякого явления есть начало, середина, конец. Однако один единственный взгляд со стороны, ясно напоминает о параллельных событиях, одновременных шагах носителей различных судеб. И это становится для нас важнейшим уроком.

ISBN 978-5-44-933657-6

© Султыгов Я. С.
© Издательские решения

Содержание

Психи и логика	6
Дава-Даа	8
Лучшая школа в стране	12
Блоха на цепи	13
Палата и коридор	14
Пряности и похороны	16
Было без четверти три...	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Утешитель

Якуб Суламбекович Султыгов

© Якуб Суламбекович Султыгов, 2018

ISBN 978-5-4493-3657-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Психи и логика

– Здравствуйте, дорогой друг, пожалуйста, садитесь, – профессор Исаев жестом указал на диван. – Вы понимаете, причина вашего вызова не вполне обычна для нашей клиники. Наблюдая за вами не первый день, просматривая видеозаписи, мы пришли к выводу, что вы нуждаетесь в совершенно новом лечении.

– В каком именно?

– Речь о новейших достижениях медицины. Новые лекарства, разработанные нашими фармацевтами, дают потрясающие результаты. За много лет своей практики, я подобного не помню.

– Профессор, я не нуждаюсь в ваших новых лекарствах, если вы находите их потрясающими, то тряситесь сами, пока не надоест.

Профессор Исаев вдруг почувствовал, что теряет привычное самообладание. Кровь прилила к его лицу, он тихо спросил:

– Вы готовы всю жизнь провести в четырех белых стенах, рассказывая небылицы о каком-то плато Нгоронгоро? Поймите, у вас есть все шансы получить самое эффективное лечение.

– Там, в степях Нгоронгоро, вас бы еще быстрее вылечили от вашей самонадеянности. Воображаете, представляете себя неким верховным существом, которому позволено лепить, словно из пластилина, чужие мысли, планы, надежды, правду? Вы самонадеянны.

– Судя по вашим словам, гражданин Мор, вы мало похожи на сумасшедшего, – Исаев отвернулся к окну, – однако я поставлю вопрос о необходимости лечения перед куратором из Комитета.

– Вы видели вопрос? Уяснили его символ? Он, чтобы стоять, должен опираться на точку, а она – круглая! – Мор смеялся, опустив лицо к полу.

– Уведите его в палату, – профессор подал знак санитарам и четыре человека с палками двинулись к пациенту.

– Друзья мои, – человек из Нгоронгоро обращался к каждому из них, – я уйду от вас, когда посчитаю это необходимым, а пока вперед, мне баю-баюшки-баю пора...

– Вы обречены на тщетную надежду, – обращаясь к пациенту, главный психиатр впервые за многие годы сорвался на крик, – вам никогда не достичь безумных целей, что занозами сидят у вас в голове!

– Я не возьму из миллиарда слов и горсти для вас. К чему тратить звуки? Мне судьба может подарить встречу с учителем, у которого есть ответ, и с ребенком, который возвращает надежду. Вам же остается мир сумасшедших.

– Заприте его, а если надо заколотите дверь большими гвоздями, – профессор облокотился на белую тумбу и дрожащими пальцами достал портсигар.

За большой металлической дверью слабо слышны слова и звуки. Прямо над кроватью виднелось оконце с сеткой из толстых железных прутьев. Гость из Нгоронгоро подтянулся и попытался заглянуть в соседнюю комнату. В этой комнате на полу сидел почти голый человек и двигал рукой небольшой камень. Нагибаясь вперед, он нюхал камень, подталкивал его носом, закрывался от него ладонями.

– Ты как сюда попал? – спросил Мор безумца.

– Ты что, умеешь говорить, да? – хрипло заорал человек.

– Тише ты, тише, не кричи. Я просто хотел узнать, есть ли выход из твоей комнаты.

– Выхода нигде нет, – человек скосил глаза, дико улыбаясь солнечному свету, упавшему на его лицо, – все в камне, без пропуска, дыр, проходов, плотно, надолго все... Ты скажи, если камни молчат, тогда они знают?

– Что знают? И как это камни молчат?

– Я п-пп-п-пом-мню, – гримаса скривила его лицо, – что если кто-то молчит, значит, он знает больше всех. Послушай, камни всегда молчат! А!? Знают больше всех?! И еще, если камни молчат, значит это им нужно?

– Кому, им?

– Кирпичам!

Гость из Нгоронгоро беззвучно рассмеялся, сползая по стене. К стенам маленькой комнаты прибавилась стена бессмысленности, стена чужого безумия. Он затих, а затем пригнул голову и стал жадно вдыхать воздух. Камни молчат, но запахи рассказывают много и долго, обо всех и каждом. Надо только не спешить.

Дава-Даа

Маленький мальчик сидел на шкуре неизвестного животного и сгребал руками песок. Он лепил гору, на которой собирался построить замок из камней. Мальчик не обращал внимания на назойливых мух, круживших над шкурой, и не замечал сильный ветер, трепавший его волосы. Усердно сгребая песок, малыш встал на колени, используя кисти и локти, насыпал холмик серого песка.

Он взял в руки несколько камней, которые нашел на дне оврага и спрятал от посторонних глаз. Два золотых самородка, огромный изумруд, и прозрачные подобно слезе, весело сверкающие солнечными лучами алмазы, речные голыши и осколки гранита послужили ему строительным материалом. Словно подчиняясь известной всему миру гармонии, малыш уложил в основание своего замка обычные камни. Сверху он украсил их алмазами и увенчал это строение золотыми самородками, на которые аккуратно положил зеленый изумруд.

Вдали от берега сновали, подобно муравьям, люди. Шумно проезжали машины, увозя в неизвестный мир неизвестных людей. На террасе возле дома, построенного из черного камня, утопая в мягком кресле, потягивал воду из алюминиевой кружки мужчина лет пятидесяти. Рядом с ним на плетеном соломенном стуле сидел другой мужчина, сухопарый, с припухшим веком левого глаза. На дне кружки был пробит инвентарный номер 567483. Пятьсот шестьдесят семь тысяч четыреста восемьдесят три. Там мог быть любой номер.

– Посмотри, что это светится перед тем босяком? – хозяин кресла кивнул в сторону берега.

– Кусочки зеркала, дети любят лепить такие «секреты», а солнце превращает их в бриллианты, – усмехнулся в ответ сухопарый.

– Может быть, все может быть, – мужчина поднялся, опираясь на подлокотники кресла, вытер пот со своей крупной, коротко стриженной головы, – однако же, иди и проверь. Я чувствую, он рядом. Пусть даже, как повторение, но он рядом. Мы можем слушать людей, слушать их слова, но верить можем только собственному чутью.

– Скоро ночь и все должны спать, – маленький мальчик рассуждал, тихо разговаривая с собой. Он смотрел на свой великолепный замок и улыбался. Ветер крепчал, легкий озноб пробежал по телу малыша. Он взглянул на небо и почувствовал тревогу – среди белых облаков над горизонтом вырисовывалась темная тучка. Он боялся гроз, особенно ночью, когда все погружается во мрак, и царствуют только гром и молнии. Тогда ему казалось, что в комнате кто-то чужой и страшный прячется по углам. Холодный страх проступал на нем липким потом. Но ему было жалко чудесного замка, который размочит скорый дождь. Он встал и накрыл его тяжелой рыжей шкурой, но сделал это неловко и упал всем телом сверху. Порыв ветра поднял песок и малыша, прикрывая глаза, быстро побежал вдоль берега. Он сильно запыхался, но не останавливался, боясь оглянуться и вновь увидеть темную тучу...

Когда мужчина с припухшим левым веком, добрался до места, то ничего не обнаружил. Он несколько раз со злостью ковырнул ногой песок и разразился руганью. Первые капли дождя заблестели на его щеках. Однако он не обратил на это внимания и только потягивал воздух носом, словно пытаясь уловить некий запах. Резко склонившись, он замер в поклоне и аккуратно отгреб песок в сторону и приподнял край шкуры. Из-под нее взлетела черная муха. Шкура была сырой, на ней виднелись красные прожилки.

– Дурно же ты, дрянь, пахнешь, – мужчина плюнул. Помыв руки в морской волне, он отправился обратно.

Мальчик промок, казалось до нитки, однако не испытывал особого холода и забравшись на мансарду старой крашенной в кирпичный цвет дачи, улегся на сухие доски. Кругом сверкали молнии, бушевал ветер и впервые малыш почувствовал, что вместо страха перед сумраком грозы он испытывает некое чувство радости, даже восторга. Его не пугали, как прежде огромные черные тени оставляемые игрой света и мрака. Он видел красоту ночи, дождя, разрываемые собственной тяжестью серебряные капли воды; все переливалось, светилось, клокотало – словно единый, живой организм. Он чувствовал волну блаженства, потягиваясь всем телом. Ему было хорошо, и он не обращал внимания на холодные брызги, попадавшие на него. Устремив взгляд прямо вверх перед собой, мальчик вдруг увидел отчетливую тень, очень похожую на человека... Кто бы это ни был, он не был призраком или плодом воображения. Малыш почувствовал слабую тревогу и осторожно, стараясь не дышать, приподнялся...

На стуле, упавшем набок, сидел мужчина в старом длиннополном пальто. Малыш увидел черные, и седые волны волос, короткую щетину на щеках незнакомца. Человек вдруг посмотрел в его сторону и мальчик не успел еще опомниться, как услышал его голос: «Не бойся, иди сюда». Не отрывая локтя с колена, мужчина рукой пригласил его спуститься вниз. Однако малыш замер и испугано смотрел на незнакомца. Он напомнил ему нищих, которых неоднократно видел в своей жизни. Эти бродяги казались таинственными и опасными людьми. Но вдруг стало светло благодаря золотистым нитям лунного света, проникшим в дом. Мальчик успокоился и осторожно стал спускаться вниз по лестнице. Старые деревянные ступени скрипели под каждым его шагом.

– Ты кто? – чуть дыша, спросил малыш незнакомца.

– Я – гость, – ответил мужчина.

– Скажи имя твое, – попросил мальчик.

– Имя расскажет обо всем. Зачем тебе мое имя? – глаза незнакомца теперь смотрели на ребенка холодно и внимательно.

– Ты прав, имя расскажет все, но бояться этого не надо, ведь ты обретишь доверие, – сказал малыш с улыбкой.

– Хорошо. Меня зовут Мор. Я гость из Нгоронгоро.

– Я знал, ты должен был когда-нибудь появиться. Я – Дава-Даа!

– Дава-Даа?! Ты – здесь?! – Мор сполз на пол от радости и изумления.

Это было новое чувство, в котором смещалась память зверя и разум человека, болезнь и обретение истины. Что есть радость щенка, дождавшегося возвращения матери по сравнению с радостью человека достигшего цели? Данность, не более и не менее. Их не сравнить, как нельзя сравнить богатство океана с глотком воды, который спас гибнущего от жажды. Мор смотрел на малыша, как на сына, ласково и нежно.

– Я – Дава-Даа. – сказал малыш, положив свою маленькую ладонь на руку Мора. – Я сегодня еще расту. Я еще маленький, но знаю – я чувствую мир, время, тепло и холод, тайну и мысль, иногда лучше других. Я знаю, мы можем жить без того, что другим необходимо. Мы не можем жить по лжи.

Он замолчал и вновь, неожиданно громко спросил Мора:

– Скажи мне! – Ты уходил от погони? Да?

– Я уходил от зла, словно дым, улетающий в трубу. Они видели меня, но хватали пустоту! – Белые зубы обнажились от радости, которую испытывал гость из Нгоронгоро, и малыш засмеялся вместе с ним, захлебываясь от восторга.

– Дым, только дым и ничего больше они не увидят!

Они сидели, безмолвно глядя в окно, за которым мир тонул в пронзительной тишине.

– Когда я смотрю на ночное небо, то невольно вспоминаю тех, кого встретил в жизни, а затем потерял, а ты? – Мор тихо вздохнул.

– Дава-Даа знает, что люди уходят, в свой срок, навсегда. И так надо. Но это «всегда» умиряет сердце невыразимой печалью. Я часто спрашиваю себя, разве можно простить тех, кто делает невинным больно, убивает их?

– Нельзя – Мор скрестил ладони перед собой, – только надо смотреть, может быть, они могут стать лучше, для будущего после них – детей, внуков, тех, кто слабее. Если же они не таковы и за ними ответ за смерть, они должны узнать возмездие.

– А их будущее, оно не будет чтить своих родных и близких, пропитанных и пропахших чужими страхами и мольбами, более той правды, о которой ты говоришь, Мор? И не будет им разницы в запахе чужого страха и своей прибыли. Разве их смутил запах чужого страха, оставшийся в запахе мочи или крови, кофе или табака, утонченного аромата духов или горечи кислого пепла в гортани? Они ведь найдут себе оправдание... Сытые и довольные, они не вспомнят обманутых и униженных, покалеченных и убитых. Они простят своих отцов и матерей за совершенную подлость и прижмутся к ним с нежностью, как все дети к родителям. Как ты прижимался в степях Нгоронгоро к теплу вскормившей тебя, как я, а я очень-очень люблю мою маму, прижимаюсь к ней любимой и родной.

– Ты говоришь не как ребенок, – Мор поднял голову, и чуть запрокинув назад, посмотрел в окно. – Это речи сказанные тебе? Урок других?

– Нет. Это сердце говорит. Дава-Даа – знает.

– Мир людей создан через сердце и живет им. Но есть еще необъяснимое чувство гармонии мира, словно ты знаешь, что точка отсчета выбрана правильно или неверно... Может быть и это подсказывает сердце?

– Конечно, ведь человек несравненно выше простой твари. Он знает больше, а значит и более, чем эта тварь, чувствует, – Дава-Даа посмотрел Мору в глаза.

– Разве вы, все люди, не живете подобно стаям птиц и другим тварям? – Мор развел руками, обернувшись к окну. – Когда рушится привычная работа, слабеет ваша полиция, исчезают продукты в местах покупок, когда без защиты ваши дети, женщины и старики, разве большинство из вас не испытывает тревогу? Когда белой смертью является медведь на лежбище безмятежных моржей и вцепляется когтями и клыками в самого слабого, не ближние, а лишь только близкие оказывают сопротивление. Мать или сородич, оказавшийся рядом, пытаются спасти жертву, а остальные, сбивая всё и всех, бросаются в океан...

Разве люди не подобны птицам, сохраняющим верность одному единственному всю жизнь? Подобны, но разум позволяет многим лишь уподобляться верным птицам. Волки в овечьей шкуре и овцы в волчьей могут быть лишь среди людей. Зверь не уподобляется, лишь маскируется под нечто, чтобы добыть пищу. Когда мать маленького крокодила несет его в водоем между огромных зубов, она не уподобляется мадонне – она остается рептилией, способной убивать и поглощать, рожать и защищать. Она умеет быть самой собой. В чем великий секрет всей человеческой философии, ее цена или никчемность, если не в вечном обсуждении вопроса, как остаться самим собой?

– Человек – это существо, которое вечно убегает от зверя благодаря вере, любви, красоте, искусству, воспитанию, – отвечал Дава-Даа с грустной улыбкой. – Кто-то понимает, что жизнь быстротечна, определена и закономерна и живет, склоняя голову в молитве, будучи радостью, а не бедой для других. Другой человек бежит при первой возможности заглянуть в страшное, испытать восторг и ужас от расчлененной плоти, равно как от чужого унижения и боли. Так бывает, дорогой Мор...

– Разве вы, люди, не сплываетесь в беде, делясь последним куском хлеба, разделяя кров и пищу с десятком людей в час беды? И разве не вы, вскоре оказавшись в благополучии готовы оплевать, уничтожить ближнего своего за одну монету?

– И много людей и тех, и этих. Словно в муравейнике растревоженном, тысячи и тысячи их двигаются, общаются, обещают, творят дозволенное, запретное или неизвестное. Нельзя всё

сделать добрым и хорошим, но можно и нужно быть сильным против любого зла. Пока ты жив и жив твой враг, всегда можно оплатить счета.

– А если кого-то уже нет? – спросил Мор.

– И мертвые платят по счету, поверь мне, – ответил Дава-Даа.

Лучшая школа в стране

Детство большинства людей, оказавшихся современниками всякой эпохи, это стресс, во всех его неожиданных проявлениях. Школа, лицей, академия, гимназия – десять лет дисциплины и приобретения навыков. Одни сразу становятся на рельсы, и катятся в нужном направлении, не выбиваясь из колеи. Другие, в силу неведомых нам тайн и особенностей, всегда выпадают из общей массы. Их пульс, дыхание, манера засыпать, мало кушать, терпеть боль и демонстрировать необычную выносливость, непонятны большинству. Но так было всегда. Два человека из десяти почти всегда не вписываются в обычные нормы.

Гимназия, в которую его определили, была целью многих родителей, мечтавших гордиться своими детьми. На первое занятие вел его родной дядя, было это солнечным зимним днем. Впереди шли старшекласники, которые бросали снежки в своих удаляющихся одноклассниц. Дава-Даа с любопытством смотрел на игру юношей и девушек. Ему нравился девичий смех, озорство ребят и вообще, что люди улыбаются. Он заметил, как, соскользнув с плеча, упал на снег черный шарф одной из девиц. Юноши, не на секунду не замешкавшись, с ухмылкой втоптали шарф в снег и грязь, и зашагали дальше.

– Ты идешь учиться в лучшую школу страны, – дядя говорил торжественно, словно находился на трибуне. – Конечно, ты – очень умный мальчик, но, все же, мне стоило многих нервов и усилий уговорить твоих родителей, договориться с директором гимназии, чтобы тебя сюда приняли. Здесь учатся дети людей воспитанных и достойных. Ты понимаешь это?

– Я уже знаю о многих из них больше, чем они знают о себе, – ответил Дава-Даа, и дядю вновь удивили недетской серьезностью его большие, темные глаза.

Класс Дава-Даа достался действительно очень интересный. В школе у него появилось множество друзей и добрых знакомых. У мальчишек и девчонок вскоре появились клички. Лупатый, Стена, Небоскреб, Куколка, Глобус, Шнур, Полковник, Снежинка, Левый и Правый. За каждой кличкой была интересная история.

Учительницей оказалась красивая женщина с миндальными глазами, женственная и спокойная. Клички появляются в детстве почти у всех, а остаются у двух-трех человек из класса. Причина этого никому не известна.

Блоха на цепи

Профессор строго оглядел студентов и остановил свой взор на самом маленьком из них, почти ребенке. Он раскрыл папку с бумагами, молча сел за большой темно-синий стол.

– Вы, – он обратился к маленькому студенту, – каким образом вы здесь оказались?

– Так же как и остальные, я сдал экзамены и поступил на факультет информационной аналитики.

– Сколько вам лет?

– Одиннадцать.

– Ну что же, очередной вундеркинд... Сколько же их было у меня. Должен заметить для всех, что действительный талант, дар, знания становятся очевидными очень скоро. Также скоро они могут обнаружить и свою несостоятельность.

– Итак, скажите, – профессор жестом усадил маленького студента на место и обратился к слушателям, – как объяснить слова поэта: «Лицемерен в загадке день»?

– Это значит, – слово взял любимец профессора, староста группы Александр Левин, – что выбор происходит из двух типичных для жизни человека состояний. Таковыми могут быть день и ночь, обретение и потеря, тепло и холод, благополучие и горе, кратко говоря, все антиподы в явлениях, в одном из них вероятны события, которые мы не в силах предупредить. Мы не можем их предугадать, исходя из обычного опыта.

– Это блестящий ответ, – профессор обратился к маленькому студенту – а ваша точка зрения по этому вопросу? Кстати, как вас зовут?

– Дава-Даа

– Странное имя, необычное. Может и ответы у вас необычные?

– Когда поэт говорит «Лицемерен в загадке день», он предупреждает нас, что очевидное может быть ложью.

Профессор тихо попросил Дава-Даа сесть на место, а затем долго рассматривал какие-то бумаги. Прошло несколько минут.

– Вы знаете, старая истина гласит, что краткость – сестра таланта. Я вот сейчас невольно подумал, что лучшая сестра таланта – ясность. Вы, – профессор с улыбкой обратился к Дава-Даа, – прекрасно сформулировали свой ответ. В четырех словах вы выразили весь смысл сегодняшней лекции. Однако же будет интересно, какая метафора, формула, выражение, на ваш взгляд, так же заслуживают внимания?

– Мне бы хотелось узнать, – Дава-Даа смотрел на потолок, – что значат для каждого в этой аудитории слова «у него только вошь на аркане, да блоха на цепи»...

Палата и коридор

Это случилось тремя годами ранее. Дава-Даа задыхался, ему не хватало воздуха, когда он говорил и более всего, если он пытался поест. Врачи сказали, что у него пневмония, болезнь коснулась обоих легких. Ему абсолютно не хотелось кушать, только молча лежать и думать, думать где-то глубоко-глубоко в себе, почти не обнаруживая эмоций. Он лежал, часами взирая на белые стены и потолок, медсестер и соседей по больничной палате. На первый взгляд было видно, что девятилетний мальчик безучастен ко всему окружающему миру. Но Дава-Даа был лишь тих и спокоен, недвижим и молчалив. Он всё замечал и запоминал, подобно своим ровесникам, обнаруживающим в этом возрасте удивительную способность быстро понимать великие сложности нашего огромного мира.

Однажды ночью, когда Дава-Даа лежал под кислородной маской и был совсем слаб, в палату крадучись вошли два человека. Это не были взрослые люди, по годам скорее старшеклассники. Они вложили обрывки газетной бумаги между пальцев спящего малыша – соседа Дава-Даа и подожгли их. Бумажные ленты быстро сгорели, и огонь обжег спящего мальчика, который безумно задергал ногами, словно пытался бежать лежа на месте. Незваные гости рассмеялись, один из них вскрикнул: «велосипед! велосипед!» и они быстро исчезли в темноте коридора. Дава-Даа только немного показалось, что волосы одного из них на мгновение осветились красным бликом.

Утром пришел доктор с медсестрами и начал осмотр. Он потрогал волдыри на ноге малыша и покачал головой. Мальчик слабыми жестами показал, что с ним произошло – он оказался глухонемым. Ожог смазали мазью и замотали в белые бинты. Затем он обратил внимание и на Дава-Даа. Медсестры закрепили на его руках и ногах какие-то провода. Доктор долго простукивал и прослушивал Дава-Даа, осмотрел его буквально со всех сторон. Он дал указания медсестрам и ушел, унося с собой приборы.

На следующий день, после обеда, к кровати Дава-Даа подошли два подростка в больничной одежде. Однако он невольно подумал об этом: выглядели они вполне здоровыми. Один из них, что был с красно-рыжими волосами, ухмыляясь, спросил:

– Ты, наверное, сто лет будешь здесь лежать, такой бледный и слабый. Хочешь, мы тебя за нос подергаем, чтобы аппетит появился? Все медсестры только за тобой и смотрят, подумать только, ты у нас главный пациент.

– Я сегодня бледный, а завтра, может быть, ты, мразь, станешь совсем белым, – Дава-Даа говорил тихо, но с угрозой, – а за нос ты меня лучше не трогай. Даже запах мой не вдыхай – пожалеешь.

– Что-о!?! – Рыжий подпрыгнул на месте, – ты, труп несчастный, еще угрожаешь? Вот сегодня ночью, когда все уйдут и спать будут, мы тебе устроим...

Ночью рыжий и его дружок исполнили свою угрозу. Один из них схватил Дава-Даа за руки, а другой нещадно крутил ему нос. От боли и обиды силы его словно утроились и он сумел освободить руку. Мгновенно схватив маленькое лезвие, которым он утром стриг ногти, Дава-Даа успел два-три раза порезать каждого из подонков. Истошные крики сотрясли больничные стены. Когда на место сбежалась смена дежурных медсестер, они увидели жуткую картину. На полу сидели дрожащие от страха, два окровавленных подростка. Один из них выпучил глаза, и под ним расплывалась желтая лужа, другой приглушенно стонал. Рядом на кровати, под чистым и белым одеялом спал совсем еще ребенок. Он дышал ровно и спокойно. Попытки узнать у подростков, что произошло, всякий раз заканчивались их жалобным мычанием. Старшая медсестра приняла решение – после перевязки обоим вкололи успокоительное и уложили спать. В палате наступила удивительная тишина, а за окном светила огромная серебряная луна.

Свет ее падал на дужку кровати и лицо Дава-Даа. Казалось он здесь, в большой больничной палате остался один.

Пряности и похороны

Наступили первые дни осени. Приехал дядя и повез Дава-Даа на центральный рынок. Он хорошо запомнил этот день. Огромное количество лиц, красок, запахов, одежды, крики и шум, разноголосица и музыка из динамиков. Словно веревки переплелись – так потоки людей заполнили все проходы и многочисленные площадки огромного базара. Дава-Даа застывал у высоких витрин, сверкающих золотом и серебром, переливами синего, красного и желтого света. Словно живые смотрели на него манекены в великолепных одеждах. Вот предстала черноокая красавица с белоснежными волосами в зеленом шелковом платье, расшитом яркими, перламутровыми узорами. Рядом с ней стоял красивый ребенок в сказочно красивом костюме. Дава-Даа мгновенно определил, что в них нет жизни, подумав, что такие большие куклы он видит впервые.

Дядя зашел в парикмахерскую, приказав Дава-Даа далеко не отлучаться. Напротив, в нескольких шагах от этого места расположился торговый ряд, где продавали пряности. Зеленые, черные, оранжевые горки различных приправ пропитали воздух и дурманили сознание. Его внимание привлекла женщина пожилого возраста, широкоскулая, с раскосыми глазами. Из-под тонкого платка виднелась прядь волос с проседью, однако следы былой красоты сохранились на этом лице. Торговка пряностями улыбнулась Дава-Даа и он с почтением, легким поклоном поприветствовал ее. Движения этой женщины были достойны всяких похвал. Мягкой игрой пальцев с помощью плоской деревянной дощечки она ровняла горки с молотым перцем. Затем стала перемешивать пряности и, казалось, что царица небрежно и изящно рассыпает драгоценности по столу. Все было в этой торговке интересным и привлекательным.

«О, как часто кажется, что лучшее место под солнцем достается по счастливой случайности случайному человеку. Интересно, его истинный хозяин занимает его, наверное, так же случайно?», – подумал Дава-Даа.

Женщина подозвала его и протянула пакет жгучего красного перца, все его попытки вежливо отказаться от этого подарка оказались тщетными, и Дава-Даа поблагодарив её, спрятал пряности в боковой карман.

За углом небольшого ларька сидел человек в грязной одежде, небритый, улыбавшийся чуть виновато и пьяно.

– Ты, будь добр, – он обратился к Дава-Даа, – купи мне кусок горячего хлеба и сыр.

Когда он жадно съел половину хлебной лепешки, Дава-Даа, невольно шмыгнув носом от неприятного запаха, обратился к нему:

– Вы так голодны! Почему вы так голодны и оборваны? Чем могу вам еще помочь?

– Я голоден всегда, малыш, – бездомный продолжал медленно жевать хлеб, изредка делая глоток воды из большой бутылки. – Когда над твоей головой нет крыши, еда словно пролетает через желудок, нет покоя душе и нет покоя телу. Спасибо тебе за помощь, однако, помни: среди нищих есть и те, кто не хочет работать и ждет своего часа, чтобы разбогатеть. Помогай им, но будь внимателен с границей своей помощи. Мне ты уже помог. Я привык жить так, словно птица, не успевшая зимой улететь на юг, и я – раб этой привычки.

– Но разве дяденька ты не хочешь это изменить, жить в тепле и благополучие, охраняемый законом? – спросил Дава-Даа.

– Нет, ибо я презираю законы. Когда-то, из-за каких-то бумаг, которые ничего не значат в сравнении с человеческой жизнью, я потерял работу, семью, друзей. Я презираю свою страну и мое равнодушие к ней – плата за ее равнодушие ко мне. Случись большой пожар, атомная война, упади гигантский метеорит на планету, коль миллионы смертей постучатся в ваши дома, разве это потревожит мой сон? Только холод, сырость, крысы и полицейские могут потрево-

жить мой ночной покой. Иди, малыш, спасибо за хлеб и сыр. Сегодня ты спас того, кто не нуждается в целой стране.

Дава-Даа крепко держал дядю за руку. Не проронив ни единого слова, он прошел с ним два городских квартала. Они поднялись на второй этаж старинного дома. Окна дядиной квартиры выходили на большую площадь. Белые колонны, фронтоны, балконы с черными чугунными узорами, красные, белые и синие крыши, скульптуры бронзовых коней и небоскреб из стекла. Площадь была выложена темно-зелеными плитами, на ней особенно хорошо были видны в этот день белые голуби.

– Малыш, случилось горе, – к окну подошел дядя, – какие-то варвары убили члена Главного Совета страны. Сегодня после полудня ты не узнаешь этого места. Тысячи людей, достойных и свободных придут сюда проститься с тем, кто отдал свою жизнь за справедливость и единство.

– Ты часто учил меня, что справедливость – это часть силы. Разве сильный мог бы погибнуть так просто, как этот член Главного Совета? Он оказался слаб, а значит и справедливость осталась не за ним? – спросил Дава-Даа.

– Замолчи! Что ты понимаешь, откуда можешь знать, что в действительности случилось. Может быть, на него напало десять врагов, двадцать; и он почти всех уничтожил, но погиб. Нельзя верить слухам, которые распускают мелкие людишки, стараясь очернить власть. Они обвиняют власть в сытости, лицемерии, жестокости, словоблудии. А разве они были бы лучше тех, кто ими правит? Поверь, я по своей работе знаю, дай им возможность в виде силы и права, они нас с дерьмом съедят! Тебе нынешнее время будет тогда казаться путевкой в санаторий.

– Дядя, я тоже слышал сообщение о том, что убийц было с десяток. Это – неправда, и ты это знаешь. В нашей стране десять подобных преступников стали бы заметны как десять слонов на ледовом катке. И слухи люди распускают от несправедливости, они видят и слышат, но боятся. Они не находят утешителя во власти и могут искать его в ненависти. Но более всего – в лицемерии.

– Молчи! Сегодня ты сам увидишь, сколь могуча и сильна сила манипуляторов, команды творческих личностей, готовых взять на себя удар, отвечать за наше будущее. Ты увидишь, сколь велико горе людей от случившейся потери. Как в былые времена, мы обретем единство, пусть и в скорби!

Дава-Даа промолчал, он достал маленькую сковородку из кухонного шкафа, налил в нее немного подсолнечного масла и разжег под ней слабый огонь. Тонкие синие язычки газового пламени были едва видны. Дядя хмуро отказался разделить с ним урок кулинарии и удалился в свой кабинет. Мелко накрошив лук и отрезок домашней говяжьей колбасы, мальчик аккуратно бросил их в сковородку. Через три минуты Дава-Даа разбил туда два куриных яйца, отключил огонь и прикрыл крышкой.

Большие часы на стене, утопленные в кусок черного дерева, показывали двенадцать часов тридцать минут. На площади перед окном появились военные, которые стали выстраиваться в длинные шеренги. Со всех сторон сюда прибывали люди. Через полчаса, когда дядя с торжественным видом, стараясь придать лицу скорбное выражение, смотрел вниз, Дава-Даа понял, что это действительно похороны члена Главного Совета. Он не мог преодолеть чувство недоумения, каждый раз стараясь понять, зачем такое количество людей хоронят одного человека. Ведь через те же полчаса они его забудут.

Было без четверти три...

Было без четверти три. Осенний день, пережив час пик и обеденную трапезу людей, осторожно завершал вторую половину дня... Ада Бек-Бой, учитель истории в интеллектуальной школе «Сертификат», шел привычной дорогой. Аккуратно обходя грязные от пыли и химикатов кусты и траву, он шел по одному важному делу. Дело это касалось лично его и никого более.

Путь учителя пролегал через железнодорожные пути фирмы «Рочн». Среди здешних рабочих и служащих было немало знакомых Бек-Боя. Рабочие ремонтной бригады в минуты отдыха любили поговорить с ним о всех сложностях мироздания. Человек с безупречной репутацией, он входил в клуб генетических патриотов – идейной находки единой партийной системы. Помимо истории Бек-Бой знал многое из других наук, но окружающий мир ставил перед всяким человеком рамки, выход за которые был нежелателен...

И, видимо, жизнь Ада Бек-Боя так и прошла бы в этих рамках, если бы не произошло то страшное, непонятное разуму событие, повлекшее цепь потрясений незнакомых здравому смыслу. Подобные ему рядовые люди, порой оказываются в ситуациях неразрешимых, непосильных для них. Так, маленький жучок безмятежно блуждает среди мусора, не подозревая, что со всех сторон охвачен огнем.

Было без четверти три. Пройдя до места, где клубок стальных линий расходился на отдельные пути, учитель увидел женщину, идущую навстречу в метрах ста от него. Чуть справа от Бек-Боя шел незнакомый мужчина. Русоволосый человек лет тридцати, одетый в серую куртку и бежевый свитер шагал прямо, высоко держа голову. За женщиной виднелся приближающийся поезд, медленно набиравший скорость. Все это было привычно: люди несколько беспечно ходили по путям, «уступали» место шумным составам и вновь шли по шпалам, сбивая шаг. Внимание Бек-Боя привлекло то, что женщина ни разу не оглянулась, чтобы отметить расстояние до локомотива и вовремя уйти с дороги. Приближался очередной состав, и незнакомец, идущий справа невольно подал женщине знак, предупреждая об очевидной опасности.

Учитель, замедляя шаг, невольно стал наблюдать за женщиной. В ее походке было нечто противоестественное: она не сбивалась с шага и шла по бетонным шпалам плавно, с отрешенным видом. Так движется человек, который ничего не видит и не слышит. Поезд уже близко! И незнакомец, совершив несколько невероятных прыжков, оказался рядом с женщиной, хотел схватить ее, но что это?! Потрясенный Ада Бек-Бой, оцепенел, наблюдая, как руки молодого человека вошли в тело женщины! Незнакомец в страхе и изумлении резко отдернул руки назад!.. Женщина со спокойным и безучастным взглядом продолжала свой путь. Учитель видел все с расстояния десяти метров, видел, как незнакомец искажил в ужасе лицо и громадная масса электровоза страшным ударом смела несчастного. Время остановилось. Состав прогрохотал, замедляя ход.

Учитель не в силах осмыслить происшествие холодной ладонью провел по своей седеющей бороде. К месту гибели незнакомца бежало несколько рабочих и охранников. Не прошло и пятнадцати минут, как вместе с духовным контролером концерна «Чина» Вахой Хани прибыл и полицейский чиновник из Управления абсолютной транспортной безопасности (АТБ) ... Гибель чистопородного тайпина воспринималась в государстве как чрезвычайное событие.

Во время беседы в отделе Управления АТБ Ада Бек-Бой услышал крайне удививший его вопрос, когда чиновник переспросил:-

– О какой женщине вы говорите?

– О той несчастной, что не успел спасти этот бедный парень, – все больше удивляясь, ответил учитель.

– Но никакой женщины не было, никаких следов ее не обнаружено, понимаете? – с раздражением заявил полицейский. – Вам показалось.

– Но позвольте! – в полном изумлении воскликнул Бек-Бой, – я свободный гражданин, с полной социализацией по роду и фамилии, здравомыслящий человек, специалист в области психологии... Да, черт побери! Я видел ее, как вижу вас! Именно так. Поверьте мне!..

Чиновник опустил голову, прикрытую красной феской, выдержал долгую паузу, затем взял лист из папки с документами и начал читать, изредка бросая бесстрастный взгляд на учителя:

«Настоящий протокол составлен для обзора места происшествия. Место происшествия – станция Лазарет-Шон, территориальные владения концерна «Чина». Суть происшествия – гибель чистопородного тайпина в результате наступления смертного часа. Причина наступления смертного часа – случайный наезд рейсового состава. Потерпевший – Аджи Ульрих Мара, духовный консультант торговой фирмы «Жанна-Амур».

Нет иных, вызывающих вопросы обстоятельств, нет иных, не указанных в протоколе людей и объектов, имеющих отношение к данному делу».

Холодные глаза ящера уставились на учителя и полицейский добавил:

– Как видите, женщины нет, нет, и все тут. Это слишком старо, чтобы осложнять и без того сложную жизнь, – чиновник говорил откровенно нравоучительным тоном. – Вы ведь понимаете, что мы не ищем призраков? – он склонил свое матовое лицо к учителю.

– Возможно, никто их не ищет, – Бек-Бой не отводил взгляда от своего собеседника, – я знаю, что видел нечто необъяснимое, и видел часть очевидного – этот парень погиб страшным образом. Объясните мне часть очевидного...

Чиновник подошел к окну, за которым огромный синевато-грязный небоскреб закрыл полнеба. Он опустил на край стола, и как-то по-детски поджав ноги, неожиданно сказал:

– А может это нечто похожее на робота? Человек-невидимка? Может, это заговор против общественного порядка?..

– Нет, что вы?! – Бек-Бой приподнялся на стуле, – где же все эти винтики и лампы, что в роботах бывают? Ведь ничего не нашли...

– В том-то и дело, что ничего. Нет волос, пятен пота, каких-либо остатков с генетическими показателями. Абсолютно ничего. Вы понимаете, о чем идет речь? Вам все показалось.

– В наш век, знаете, все может быть, – учитель глядел исподлобья, – кто знает, может проекция какая-нибудь, образы искусственные... Я это видел. Может быть спектральные образы... Но это пока возможно только в теории. Ведь если это удастся на практике, то это будет страшным оружием против человеческого разума.

– Почему? – теперь в голосе полицейского были нотки растерянности, – объясните, пожалуйста.

– Как вы не понимаете, ведь мнимые образы могут заменить охрану, могут использоваться как угроза нападения, как приманка, – осененный внезапной догадкой и смыслом последнего примера, Ада Бек-Бой осекся на полуслове.

– Вы склоны считать, что в нашем случае, – чиновник пригнул голову набок и с таким странным видом встал. – В нашем случае Аджи Ульрих Мара стал жертвой такой приманки? – голос стал скрипуч. Вы должны забыть всё, что видели и слышали.

Бек-Боя поразил холодный и приглушенный голос чиновника.

– Вы должны раз и навсегда вычеркнуть из памяти сегодняшний день. Иначе само государство наше будет считать вас преступником, которого следует немедленно уничтожить, – с нескрываемой злобой закончил он. Воцарилась мертвая тишина.

– Это что, серьезно? – все больше недоумеваю, спросил учитель.

– Это так же серьезно, как и то, что вы видели. Подписка о неразглашении – единственная гарантия сохранения вашей жизни на ближайшее будущее. Такова жизнь, дорогой учитель, – усмехнулся человек в темно-синем мундире.

Он наклонился, на его лице застыла невероятно бледная, теперь особенно ставшая неприятной Бек-Бою, безжизненная гипсовая улыбка.

– Хорошо. Я так и думал. Мне наверняка это показалось, как и тому парню, которого убил паровоз, – сказал Бек-Бой, подписав какие-то бумаги. Однако чиновник застыл в зловещем безмолвии и ничего не отвечал. Слегка обозначив поклон, Бек-Бой надел шляпу, поднял воротник плаща и покинул кабинет.

Ада Бек-Бой читал лекцию в стенах университета. Речь шла о месте личности в истории. По старой традиции размышления о роли отдельного человека в истории занимали значительное место в общественном сознании. Давно было понятно и самым малосообразительным людям, что без отдельных личностей, подвижников, злодеев и героев нет вообще никакой истории, которая могла бы рассказать о человеке. Однако инерция мышления, как всегда, имела место и тема эта в учебных заведениях словно передавалась по наследству, от одного поколения другому.

Учитель обратился с вопросом к аудитории:

– Роль личности в истории, как вы думаете, чем она может быть измерена?

– Процентами! – эта версия из передних рядов вызвала смех и хохот.

– Может быть и так, – улыбнулся учитель, – но поверьте мне, здесь главное – продолжение, которое личность имеет после ухода с исторической сцены. Это продолжение выражается в уважении, почитании, но более сего в использовании интеллектуального и нравственного, творческого и прикладного наследия личности.

– Разве Гитлер, Пол Пот, ублюдки из трущоб, староста лагерного барака, истязатели детей, законопослушный стукач и многие другие оставили след, который может вызвать у нас чувства, о которых вы говорите? – к Бек-Бою обратился студент с короткой черной бородкой. – Мы наконец-то построили свободное и стабильное общество, и есть ли смысл находить универсальные определения для всех персонажей истории?

– У вас, может быть, перечисленные вами субъекты подобных добрых чувств не вызовут. Но разве так относятся к ним подобные им люди? Подонок, мечтающий убить старых пенсионеров и ограбить их дом, пахнувший и ерзающий на сковороде мелкого страха, спасающийся в тени вечно надвинутого капюшона и невнятного бормотания, когда его спрашивают о личном мнении, поклоняется своим героям. Он уважает и восхищается старостой лагерного барака, его способностью шагать по трупам, быть жестоким и сильным. Он по-своему считает нравственным лагерный расклад, ибо видит здесь справедливость – слабые уничтожаются, а сильные торжествуют.

Я же предлагаю такую шкалу оценок, чтобы у нас не осталось искушения найти за терминами оправдание нашим делам. Вы ведь знаете, общество каждый раз находит формулировки, лозунги и объяснения, оправдания своим порокам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.